

Глава 36. Один клинок против тьмы

Для благородного мужа подол одеяния — не просто кусок ткани, а символ достоинства. С древних времён существовал обычай «разрезать полы халата» в знак разрыва всяческих уз; замарать или порвать край одежды считалось позором. Но если на твой подол ненамеренно уселся кто-то столь близкий, как Бай Чжигэ, то это сулило лишь одно: отныне и вовеки тебе суждено быть в этих отношениях «нижним».

И пусть их связь с Бай Чжигэ была скорее формальной, Ху Цяньцю вовсе не желал, чтобы кто-то узнал о сегодняшнем конфузе.

— Ладно, забудь! — рявкнул он. — Но если посмеешь хоть слово вымолвить об этом — лично прибью!

Бай Чжигэ, совершенно сбитый с толку этим взрывом ярости, лишь молча приподнял край своей одежды, разгладил его и уселся поодаль. Похлопав ладонью по месту рядом с собой, он жестом пригласил лиса вернуться — мол, делов-то.

Ху Цяньцю вспыхнул до корней волос. После долгого молчания он смог выдать лишь одно:

— Бесстыдник!

Бай Чжигэ нахмурился, погружившись в раздумья. Он призвал Лу Яоя, которая всё это время следовала за ними, скрываясь в тенях.

— Послушай, — обратился он к ней. — Ты не понимаешь, за что он на меня так окрысился?

— У лисьего племени есть поверье, — негромко ответила та. — Если кто-то уселся на твой подол, значит, отныне ты обязан ему подчиняться. Это чем-то напоминает человеческий свадебный обряд: чья голова при поклоне окажется ниже, тот и будет в доме ведомым...

Бай Чжигэ невольно смягчился. «Раз так, я и впрямь готов слушаться тебя во всём. К чему же так гневаться?» Гнев истощает силы, а Цяньцю и так едва оправился после отдачи собственного меча. Меч Сокровенного Грома сорок девять лет закалялся под ударами небесных молний, чтобы извергнуть из себя скверну, а лис подпитал его демонической техникой и собственной кровью. С его нынешним уровнем самосовершенствования он едва ли мог противостоять пробудившемуся злу.

Бай Чжигэ не отрывал нежного, сочувственного взгляда от тонкой фигуры. «Так вот из-за чего ты дуешься... Что ж, будь по-твоему. Я буду тебе послушен».

Тем временем Ху Цяньцю, тяжело вздыхая, кромсал старый пень Мечом Сокровенного Грома. Глубокие, неровные борозды на древесине выдавали его раздражение — лис словно вымещал

на несчастном дереве всю злобу. Видимо, в позапрошлой жизни он совершил нечто ужасное, раз в этой ему досталось такое «сокровище», от которого не отвязаться. И ведь сердце у него было слишком добрым — иначе Бай Чжигэ давно бы испустил дух ещё в Призрачном поселении.

Бай Чжигэ бесшумно подошёл и замер рядом. Глядя на этого вечно о чём-то сокрушающегося лиса, он вдруг представил маленького лисёнка с девятью пушистыми хвостами, в которых тот умудрялся запутаться по собственной глупости.

— Цяньцю...

Ху Цяньцю скрестил руки на груди, прижимая к себе верный меч, и вскинул бровь. Что ещё этому недоразумению от него нужно?

— Цяньцю, я долго думал. Нам нужно выбираться отсюда как можно скорее. Тебя грызёт отдача Меча Сокровенного Грома, а я... я пал во тьму и больше не могу исцелять твои раны. Тебе нужно поесть, иначе тело просто не выдержит.

Ху Цяньцю взглянул на клубящийся туман. Твари, рождённые этим мороком, существовали здесь тысячи лет, прежде чем научились принимать обличья. Вырваться из ловушки было почти невозможно. Даже Лу Яояо — призраку, способному мыслить и сражаться, — потребовалось три тысячелетия, чтобы обрести такую силу.

— Легко сказать «выбраться». Эта формация стояла нетронутой века. Либо её создатель всё ещё жив, либо он давно обратился в прах, но при жизни обладал силой, равной небесам. Как нам двоим с этим совладать?

Бай Чжигэ не мог больше ждать. С наступлением темноты им снова придётся сражаться, и лис не протянет и трёх дней.

— Мне плевать на трудности...

Схватив лиса за запястье, Бай Чжигэ в мгновение ока перенёс его к самой границе барьера. Огромный купол, затянутый слоем вековой пыли, закрывал небо. Ху Цяньцю осторожно коснулся преграды — она была холодной и гладкой. Стерев грязь, он увидел сквозь ладонь внешний мир: сочные зелёные бамбуки, ковёр опавших листьев и клочки лазурного неба сквозь густую листву. Там не было ни души.

Он ударил по барьеру Мечом Сокровенного Грома, вложив в удар остатки сил. Меч звякнул о поверхность, словно о калёное стекло — ни царапины.

— И о чём только думал тот, кто накрыл это место «черепашьим панцирем»? — проворчал лис.
— Войти можно, а выйти — нет. Обычный смертный здесь просто обречён на медленную

смерть. Разве это не грех смертоубийства?

Бай Чжигэ постучал пальцем по преграде, любуясь тем, как Цяньцю хмурит брови.

— Должно быть, создатель уходил в спешке и не успел снять защиту. Чтобы разрушить массив, нам придётся вырезать здесь всё живое и мёртвое.

Ху Цяньцю вздрогнул. Эта сцена показалась ему пугающе знакомой. Тот сон... он видел его лишь раз, но запомнил навсегда. В том сне демон выбрал путь саморазрушения, увлекая за собой юного Бессмертного и запечатывая их обоих в хрустальном гробу под печатью, которую невозможно сокрушить. Бессмертный был опозорен, а демон получил желаемое.

Был ли тот сон правдой или игрой воображения, Ху Цяньцю не знал, но каждый раз при воспоминании о нём сердце сжимала глухая обида. И сейчас Бай Чжигэ раздражал его сильнее прежнего.

— С моими силами здесь не совладать, — отрезал лис.

Бай Чжигэ упёрся ладонью в барьер и, глядя на Ху Цяньцю, усмехнулся:

— А если я разрушу этот массив, какая мне будет награда?

— Жареная курица и гусь. Это всё, что любит твой «молодой господин».

Бай Чжигэ негромко рассмеялся. Курица так курица — на этот раз он готов был на такую дешёвую сделку.

Он закрыл глаза. Свет внутри купола начал стремительно меркнуть, пока всё вокруг не погрузилось в непроглядную темень. Лишь расчищенное пятно на барьере продолжало слабо светиться в пустоте.

— Меч, ко мне! — негромко призвал Бай Чжигэ.

В его руке вспыхнул клинок, окутанный багрово-чёрным маревом. Меч Сокровенного Грома в руках лиса мелко задрожал, сияя серебром, словно пытаясь затмить зловещий блеск новой стали. Ху Цяньцю смотрел на это с нескрываемым изумлением: откуда у Бай Чжигэ это оружие? Тот ведь был у него на виду всё это время!

— Жди здесь. Я скоро вернусь.

На запястье Бай Чжигэ тускло мерцала белая нить, соединённая с такой же нитью на руке

лиса. Развернувшись, он шагнул в самое сердце чёрного леса.

Мрак был таким густым, что не было видно собственной руки. В полосе мечного света то и дело возникали призрачные двойники Ху Цяньцю, бросавшиеся на него из тени. Бай Чжигэ разил их без тени сомнения — иллюзии рассыпались пеплом.

Туман сгущался. Почувствовав, что время пришло, Чжигэ пробудил в себе дремлющую мощь. Потoki демонической ци вырвались наружу, его взгляд стал алым, а аура стала страшнее самого густого морока. Там, где пролетал его клинок, вспыхивало пламя. Огонь пожирал туман, перекидывался на сухую листву, и вскоре Бай Чжигэ уже стоял в центре бушующего пожара. Тьма в ужасе отступала. Он выходил из огня подобно демону, восставшему из бездны, готовому поглотить этот мир.

Один взмах — и завеса тьмы разорвана. Каждый его шаг зажигал новую искру.

Внутри барьера полыхало зарево. Ху Цяньцю, заметив огонь на склоне горы, насторожился. Пламя распространялось слишком быстро — ещё немного, и оно доберётся до него.

«Что он творит?!»

Лис сорвался с места, летя прямо в море огня. Там, среди пепелища, он увидел Бай Чжигэ. Тот двигался подобно живому мертвецу, волоча меч по земле. На призывы магической нити он не откликнулся. Безумие поглотило его разум; он был готов сжечь всё сущее.

С другой стороны, задыхаясь от дыма, примчались Цюй Фэйи и Гуй Минсы. Они только что выдержали схватку с тенями и, завидев огонь, решили, что это шанс на спасение. Заметив Бай Чжигэ, поджигающего лес, они застыли в оцепенении.

Ху Цяньцю преградил путь обезумевшему другу. Чжигэ смотрел расфокусированно. Наставив клинок на лиса, он прохрипел:

— Всяк... кто встанет на пути... умрёт!

— Бай Чжигэ! Ты что, уже и меня не узнаёшь?! Совсем страх потерял?!

Лис влил все свои силы в Меч Сокровенного Грома. Клинок взорвался ослепительным серебром. Он рванулся вперёд, и их мечи столкнулись. Громовой лязг разнёсся по лесу, ударная волна разогнала остатки чёрного тумана. Ху Цяньцю, стиснув зубы, из последних сил сдерживал напор тёмного меча.

Из левой руки Бай Чжигэ вылетели три снаряда. Лис отпрянул, на лету отбивая их мечом.

— Бай Чжигэ! Ты так решил очистить барьер?! Жизнь надоела?!

— Умри... — прошипел тот, вкладывая в удар всю мощь своей ярости.

Он атаковал яростно, в три прыжка настиг лиса и обрушил на него карающий удар сверху. Ху Цяньцю едва успел развеять мечом тень за спиной Чжигэ и уклониться. Чёрный след от вражеского клинка прожёт землю под его ногами.

Второй удар едва не перерубил Меч Сокровенного Грома. Ху Цяньцю выставил блок, чувствуя, как внутренности буквально разрывает от мощи столкновения. Кровь тонкой струйкой потекла из уголка его рта, капая на землю и расцветая алыми искрами, которые тут же пытался поглотить туман.

— Бай Чжигэ, очнись, чёрт тебя дери! Ты же меня убьёшь!

Сила Бай Чжигэ продолжала расти. Ху Цяньцю чувствовал, что слабеет, его колени начали подгибаться.

В этот момент Гуй Минсы в истинном обличье бросился на помощь, намереваясь протаранить Бай Чжигэ со спины. Ху Цяньцю, увидев его тушу, только выругался:

— А ты-то куда лезешь?! Жить надоело?!

Бай Чжигэ слегка повернул голову, разворачивая остриё меча.

— Я должен во всём разобраться! — донёсся голос Гуй Минсы. — Я должен знать, кто той ночью сжёг свою душу! Я не позволю никому из вас подохнуть!

Цюй Фэйи всё это время наблюдал за ними, затаившись на ветке мёртвого дерева. Старший брат окончательно лишился рассудка, а этот Сун Мин умудрился как-то овладеть Мечом Сокровенного Грома. Если Сун Мин разрушит массив, его слава прогремит на весь мир, и тогда Бай Чжигэ сделает его своим преемником. Место первого ученика никогда не достанется Цюй Фэйи.

Любой мог занять это место, но только не этот выскочка.

Цюй Фэйи помрачнел. Он спрыгнул вниз, врываясь в общую свалку. Гуй Минсы, терпя боль от ожогов, навалился на Бай Чжигэ, пытаясь сковать его движения.

— Наконец-то! — выдохнул Ху Цяньцю. — Живо выруби его, пока он нас тут всех не перерезал!

В этот миг клинок, окутанный холодным синим сиянием, с резким звуком «пш-ш» вошёл в плоть Ху Цяньцю. Алые брызги веером рассыпались по одежде Бай Чжигэ, несколько капель попали на лицо Гуй Минсы.

Бай Чжигэ вдруг разжал пальцы. Меч со звоном упал на землю. Он коснулся ладонью своей шеи, словно его обожгло, и в этот миг пелена спала с его глаз. Он увидел своего младшего ученика, вонзившего клинок в сердце его возлюбленного, и замер в немом ужасе.

<http://bllate.org/book/17498/1715340>